Хоть и не красавица, а она нам нравится…

Интервью с профессором Монреальского университета Яковом Рабкиным о противоречиях между еврейской диаспорой и современным Израилем **(см. «С чего начинается родина», №6, 2015)** вызвало предсказуемо много откликов. Наиболее аргументированный ответ, обосновывающий иную точку зрения, принадлежит израильскому политологу, заведующему учебной частью «Мидраши ционит» Элиэзеру Шаргородскому, слово которому мы с удовольствием предоставляем.

Израиль как фундамент национальной идентичности диаспоры

Будем объективны, на вопрос, куда ехать — в США или в Эрец Исраэль — евреи на протяжении последних 130 лет чаще всего отвечали — в «Золотую страну» — а «Голдене медине». Это исторический факт, тем не менее, евреи Израиля сегодня многочисленнее евреев США, не говоря уж обо всех других общинах диаспоры, и куда более значимые и влиятельные — политически, экономически, культурно. Мы имеем дело с неким процессом, который явно сильнее настроений еврейских общин, где бы они ни находились.

100 лет назад этот процесс понимали немногие, например, один из лидеров рабочего сионизма Берл Кацнельсон, который, гуляя по берегу Кинерета и реагируя на восторженный рассказ будущего президента Израиля Залмана Шазара о революции в России, заметил, что одна телега на ферме Кинерет важнее для еврейского народа, чем все революции в мире. Он оказался прав — сейчас Израиль является куда более прочным фундаментом еврейской идентичности, чем столетие назад.

Да, многие евреи в странах Запада сегодня меньше отождествляют себя с Израилем, чем после Шестидневной войны, и это влечет за собой ассимиляцию и смешанные браки (в которых состоит 58% американских евреев). Все это так, но не надо путать причину и следствие. Израиль, как

еврейское государство, предлагает лекарство, кислород, и не его вина, что многие евреи не хотят его принимать и им дышать. Надо понимать и то, что от отождествления с Израилем типичный американский студент-еврей будет иметь одни проблемы. Он ему хоть и не безразличен, но далек, а рядом царят совсем иные настроения… Так, например, в Беркли еврейскую студентку, держащую плакат «Израиль хочет мира», палестинские студенты ударили по голове, в Гарварде студенты из «Комитета за безопасность Палестины» распространили фальшивые уведомления о выселении еврейских студентов из общежития. Все эти акции прошли без последствий для их организаторов, администрация сочла, что они не вышли за рамки академических свобод.

О когнитивном диссонансе евреев диаспоры

Как найти баланс между национальной идеей и традициями западного мультикультурного либерального общества? Начну с того, что Израиль вернул в историю понятие еврейского суверенитета и коллективной еврейской ответственности. Безусловно, куда проще исповедовать высокие идеалы защиты прав меньшинств, военной морали и т.п. — и все это издалека, на уровне благопожеланий, с университетской кафедры.

Для нас, израильтян, реализация этих идеалов — повседневная реальность.

Я только что вернулся с семинара бывшего заместителя главы Госдепартамента США. В частности, обсуждалась практика привлечения юридических советников в ходе военных операций ЦАХАЛа, дабы те мгновенно могли дать экспертное заключение командиру, насколько законен каждый его шаг. По его словам, американские генералы, узнав об этом ноу-хау, пришли в ужас — Израиль поднял планку так высоко, что американцы, воюющие в Афганистане, Ираке и т.д., будут вынуждены действовать с оглядкой на этот прецедент.

Для некоторых евреев наша страна — это экзистенциальная онтологическая угроза. Потому что каждым своим шагом Израиль словно говорит — вы нас критикуете, крича об ответственности и правах человека, но *ничего* не делаете. А мы в Израиле реализуем на свой страх и риск то, что вы только декларируете, берем ответственность на себя, подчас расплачиваясь своими жизнями. Очень легко быть либералом в Сан-Франциско, гораздо сложнее это

в секторе Газа. Очень легко защищать права национальных меньшинств, живя в богатой стране, где никто не хочет забрать у тебя ни Вашингтон, ни Лондон, ни Берн. Попробуй сохранять права меньшинства, когда члены партии этого меньшинства чтят террористов, как героев, и ставят спектакли (на твои же деньги), их воспевающие. Это не теория, а наша жизнь.

Более того, Израиль, в отличие от прекраснодушных народов, берет ответственность за еврейский народ и евреев где бы они ни находились, если им грозит опасность. Порой больно наблюдать, как евреи — хулители Израиля — вдруг вспоминают о своем происхождении лишь для того, чтобы придать большую объективность своему негодованию. Для них еврейство — фиговый лист, для Израиля — ответственность.

Кроме того, евреи в этом мире по определению пребывают в состоянии диссонанса. Потому что мы стремимся к *тикун олам*, то есть постоянно тянем этот несовершенный мир на более высокий уровень. Однако появление Израиля не углубило диссонанс, а в чем-то даже его разрешило. Потому что до 1948 года евреи диаспоры были бомжами, а после провозглашения Израиля, не изменив своего местожительства, превратились в гостей. Согласитесь, это разный статус…

Евреи диаспоры — заложники Израиля?

Профессор Рабкин говорит, что еврей, живущий, условно говоря, в Сан-Франциско, не чувствует себя гостем, напротив, Израиль мешает ему чувствовать себя по-настоящему дома. Сегодня (именно сегодня, а не 70 лет назад) это во многом так. Братство вообще очень обременительно. Израиль просто в силу своего существования действительно оказывает влияние на всех евреев мира, но полюс этого влияния определяют сами евреи. Если некто хочет оторваться от своего народа, Израиль будет преследовать его как тень — на уровне подсознания. Есть другой вариант — стать на сторону государства, твоего государства, даже если ты в нем не живешь, государства, которое старается жить в соответствии со своими идеалами.

Старается, но не всегда преуспевает? Действительно, у каждого израильтянина найдется пара «теплых» слов для своего правительства.

В самом израильском обществе идет принципиальный спор — хотим ли мы остаться народом с уникальным призванием, светочем народов мира или… отдохнуть от избранности. Не знаю уж, к счастью или к сожалению, но окружающая действительность не дает нам права на усталость. Как отмечает выдающийся историк, профессор Элиэзер Швейд, сионизм — это, прежде всего, результат усилий национальной воли, а не объективных обстоятельств. Израиль никогда не возник бы сам по себе, и точно так же сегодня страна не сможет существовать в силу неких объективных закономерностей. Если же Израиль позволяет себе устать, например, уходит из Газы — Газа ему тут же об этом напоминает.

Израиль как государство всех евреев мира

Профессор Рабкин прав в отношении того, что евреи диаспоры и даже израильтяне, пребывающие за границей, лишены права голоса на выборах в Кнессет. Но почему это так?

Мы живем в непростой стране, поэтому ответственность *за* народ Израиля и причастность *к* нему требует *активной* позиции. Пассивная же позиция предполагает и пассивные права, которые любой еврей может превратить в активные — до Тель-Авива всего несколько часов лету.

Страна не готова предоставить право голоса тому, кто находится в 3000 километрах, когда здесь взрываются кассамы. Даже если это человек, пожертвовавший 5 млн. долларов на нужды ЦАХАЛа. Я однажды был на резервистских сборах, и вдруг на нашу базу приехал автобус: родители — американские евреи — решили устроить сыну запоминающуюся бар-мицву в Израиле. Парнишка принес нам угощение, и все прекрасно провели время. Этим людям очень близок Израиль, но они понимают, что прилететь в Страну, угостить солдат и сфотографироваться с ними — это прекрасно, но это не лишает их сна и не лишает их детей на несколько недель отца. Поэтому, подозреваю, что участие в выборах принципиально как раз для тех, кто принимает на себя меньшую ответственность, чем требует прав. Евреи, которые берут на себя ответственность за Израиль, отправляя своих детей или жертвуя деньги, как раз понимают значение своей ответственности и меру своих прав.

Тем не менее, евреи диаспоры и сегодня могут влиять на происходящее в Израиле, достаточно вспомнить крайне левый Новый израильский фонд, действующий в основном на внешние пожертвования. Да, мне не нравится его влияние, но нельзя отрицать, что оно есть…

Антисионизм или антисемитизм?

На мой взгляд, несколько странно определять евреев и израильтян по отношению к ним тех или иных политических сил, как это делает д-р Рабкин. Он характеризует Израиль извне — если левые нас поддерживают — хорошо, если правые — плохо. Это напоминает позицию Сартра, от которой он сам в конце жизни отошел, — идею о том, что антисемиты (и, добавим в скобках, юдофилы) определяют евреев. То есть мое внутреннее еврейское «я» формируется в зависимости от того, что обо мне говорят или думают правые или левые, европейцы или американцы. Это в корне неверно, поскольку мы вернулись к самоопределению в полном смысле этого слова. Израиль определяется своей Землей, своим языком, решениями суверенного еврейского народа, проживающего на этой Земле, и решениями Сверху. То, что говорят о нас за границей, безусловно, важно, но не потому, что это нас определяет, а чтобы мы смогли, как государство, сформулировать свой ответ.

Что же касается антисемитизма и антисионизма, то это ровно одно и то же. Ненависть к еврейскому народу всегда нацелена против евреев в их облике на данный момент. Когда мы наиболее ярко представлены на индивидуально-общинном уровне, как это было в изгнании, то антисемиты и рисовали нас соответственно: антисемиты-социалисты — в виде всемогущих финансистов; антисемиты-капиталисты — в виде революционеров-социалистов; антисемиты-клерикалы — в виде безбожников; антисемиты- безбожники — в виде реакционных приверженцев старого строя. Ныне, когда из всего еврейского наиболее мощное и яркое — это государство Израиль, то антисемиты всех мастей выбирают именно его в качестве мишени своей ненависти.

Спасет ли Израиль от ассимиляции?

Почему, с моей точки зрения, в Израиле проще не только сохраниться в этническом плане, но и не потерять *еврейскую преемственность?* Д-р Рабкин упирает на термин «меком Тора», т.е. место, где много *сведущих в Торе* евреев, подразумевая, что это место может быть вне Израиля. Он забывает при этом гораздо более известную цитату из Талмуда: «С тех пор, как евреи изгнаны со своей земли, — нет большего упразднения Торы», другими словами, нет большего ослабления Торы, чем когда народ уходит в изгнание.

В галуте, когда еврейское национальное сердце после разрушения Храма

почти перестало биться, что осталось у народа? Только индивидуальная Тора, как сказано: «С тех пор как был разрушен Храм, у Всевышнего не осталось в Его мире ничего, кроме четырех локтей галахи». Эта Тора и заповеди, как сосуд, хранили в миниатюре все наше национальное достояние. Но приходит время нашего возвращения в свою землю, в наши естественные, а не искаженные пределы, и тогда Тора тоже получает свое *место* и заново приобретает свои национальные и мировые размеры.

Да, у Торы есть место — недаром Всевышний дает нам ее на горе Синай и отправляет с Ней народ домой — в Землю Израиля. Тора была дана всем нам, поэтому она называется не Закон, а Наследие. Наследие принадлежит всем евреям вне зависимости от меры соблюдения. Хочешь — пользуйся, не хочешь — дело твое. Всевышний вывел нас из Египта как народ, Он кормил нас манной как народ, Он дал нам Тору как народу, и как только мы отказались войти в Страну Израиля — Он оставляет нас в пустыне, прервав диалог на 38 лет. Вошли евреи в Эрец Исраэль — диалог возобновился. Почти 2000 лет длилось изгнание, но с наступлением эпохи возвращения пора вести себя не только как еврей-индивид, но и как народ — живущий в *своем* государстве, говорящий на *своем* языке, и соблюдать Тору — на национальном уровне. *Меком Тора* — место Торы — оно с народом, на его Земле.

Когда я учу сегодня Тору — я делаю это не только, чтобы сохранить свою семью и общину, но и чтобы еще больше раскрыть еврейскую природу своего государства.

Возвращение народа Израиля на свою Землю бросает порой невыносимый вызов приверженцам изгнания — как ортодоксальным, так и светским. Вдруг новая действительность им говорит, что уже недостаточно соблюдать кашрут, накладывать тфиллин и быть верным своему нееврейскому государству. Ныне от еврея требуется большее — взять вполне конкретную ответственность за свой народ и его идеалы. Это сложно. Куда проще с умным видом грозить пальчиком из Монреаля или утверждать, что Всевышний возвращает Свой народ не по правилам и поэтому мы будем продолжать повторять «в следующем году в Иерусалиме», как будто Иерусалим все еще под властью Османской империи. Страх перед ответственностью — в природе человека. Но не стоит превращать свое пребывание в диаспоре из факта жизни в идеологию и хвататься за свою общину с парой кошерных магазинчиков как за единственный источник кислорода.